

СМОТРИТЕ, КТО ПРИШЕЛ!

ВИКТОР ПОСТРОЮ ДОМ СЕБЕ Я ИЗ КОНСЕРВНЫХ БАНОК... ЛУФЕРОВ

Педагогический калейдоскоп. - 1998. - № 45. - с. 14

- Ну что, рассказать о театре?

- Вы знаете, я бы хотел поговорить в первую очередь о вашем творчестве.

- Ну, тогда все равно о театре. Я последнее время только о нем и говорю. Я болен театром.

- Ну, тогда расскажите, с чего он начался.

- Я всегда мечтал о театре, всегда говорил о нем, и, когда в 1985 году мне предложили организовать молодежный коллектив при ДК МАИ, я с радостью ухватился за эту идею, потому что это была какая-то внешняя зацепка для того, чтобы перестать говорить о театре и начать его делать. С этого началась студия-театр песни «Перекресток». Название появилось сразу. В 1986 году у меня уже был проект «Башня на перекрестке». Тогда я начал заниматься с ребятами не бардовской песней, а фольклором и площадным театром. Собралась очень талантливая молодежная студия, в которой мы просуществовали до 92 года. В полный разгар вошла перестройка, инфляция, нищета. Ребята выросли...

- Маевцы?

- Нет. К нам предъявляли претензии и хотели с нами расстаться именно потому, что у нас не было студентов МАИ. Почти не было. Они к нам не шли почему-то. А со всей Москвы собралась такая большая компания... Человек тридцать.

- На чем театр делался, что лежало в основе?

- Мною был написан сценарий такого скоморошного базара, потом была разработана структура... Никто из нас не знал, как был устроен русский балаган, ну читали книги, но это же книги. В реальности ничего подобного не существовало. И вот как бы методом тыка, интуитивно была найдена такая структура, очень многофункциональная и гибкая форма. Это стало называться у нас площадным театром. Были восстановлены такие

спектакли, как «Рак», «Петрушка», «Вертепная драма», «Царь Ирод». И все это было абсолютно автономно.

Я, в красном пальто, был главным петрушечником в своем балагане.

- Оно уже тогда появилось?

- Тогда красное пальто еще не было тем, чем стало после закрытия студии. Я нашел его на помойке, и уже тогда оно начало зреть. А по-настоящему оно созрело чуть ли не в 1996 году. Точнее, я созрел, как его сделать. До этого там болтались всякие железки, ложки, вилки...

Закончился этап самодетельной студии, хотя мы побывали на трех больших фестивалях: Лефортово-88, в 89 году - Караван мира - грандиозный фестиваль уличных театров и в Архангельске - фестиваль камерных уличных театров.

Закончился этот период, но из него осталось несколько сценариев, например «Сад», который до сих пор не поставлен. Я в скором времени буду ставить его вместе с выпускниками Владимирского театра перформансов. Остался сценарий бард-рок-оперы. Сначала я думал, что он для сцены, но потом понял - это кино. Но для воплощения этого проекта нужны миллионы долларов. Так что очень уж это дорогостоящая история.

- А что это за опера?

- В ее основу положена моя версия смерти Икара от рук Дедала. Все знают, что Дедал с Икаром полетели с острова Крит, от царя Миноса, и Икар взлетел высоко к Солнцу, и растаял воск. И почти никто не знает, что Дедал убил своего племянника Тала.

Дедал был гениальный человек, с грандиозным тщеславием, с гордыней, с творческой спесью. Он убил Тала, когда понял, что тот может превзойти его в талантах.

Это вообще интересно: Моцарт и Сальери, гений и злодейство...

- Вернемся к авторской песне. Вы как-то сказали, что движение КСП умерло...

- Ну, в том виде, в котором

было, конечно, умерло. Оно умерло потому, что, во-первых, была мощная сеть клубов по всей стране. Это шевеление по всей стране и было приковано коммерцией. Жизнь КСП продолжает где-то теплиться, но из-за дороговизны дороги, она потеряла те связи, которые прежде совершенно спокойно существовали. Тогда за очень небольшие деньги можно было слетать даже на Дальний Восток.

Во-вторых, слеты. Социальная значимость их как бы отпала. Другое дело, что сейчас появилась другая социальная значимость, но она имеет отношение к поколению, о котором я мало что знаю. Хотя здесь, в театре, я вижу много разных молодых ребят.

Я уже в лес не люблю ходить. Да, конечно, в нынешнее время могут вырабатываться какие-то социальные позиции или оппозиции, благодаря которым, путешествия в лес, чтобы попеть, тоже могут быть оправданны. Но тогда все было основано на том, что не давали залов, потому что запрещали. И у автора могла быть только одна песня протестующая, а все остальные - сплошная лирика, тем не менее к нему относились по-другому именно из-за этой песни.

В-третьих, сложилась уже профессиональная культура. Столь великие имена, как Высоцкий, Галич, Окуджава, они все уже вошли в пансион русской культуры. В доперестроечное время их просто не признавали.

Это означает, что существует профессиональная культура и ориентироваться в первую очередь надо на нее, а не на бренчащих в пансион русской культуры. В доперестроечное время их просто не признавали.

Поэтому в прежнем смысле движения КСП, конечно, не существует. А в новом - оно какое-то другое уже и меня не интересует.

- И тем не менее люди ходят в лес, поют песни под гитару у костра...

- Это уже не КСП. Ходить в лес, чтобы дышать свежим воздухом, отдыхать. Раньше ходили протестовать, а сейчас? Сейчас это какая-то форма, унаследованная из тех времен. А суть ее выветрилась. Пусть даже и остается главная суть - общение людей.

Но, возвращаясь к лозунгу, у моего лозунга «Смерть КСП» есть продолжение «Да здравствует профессиональная авторская песня». Да здравствует профессиональная культура и профессиональное отношение к ней. Хватит брэнчать на расстроенной гитаре. Хотя я прекрасно знаю, что не изживется все это в России и в центре жанра всегда будет человек с полурасстроенной гитарой, потому что не в этом суть. Суть в слове и интонации, а уж музыканты сыграют. А я бы мечтал все-таки о поэте, который владеет инструментом.

Образ музыканта, средневекового поэта, странствующего с лютней за плечами, и та музыка, которая осталась со средневековья - там чувствовалось, что это были песни. Но музыка всегда оказывалась большей долготелительницей, чем слова. Слова терялись, менялись, а музыка оставалась.

- Как бы там ни было, но вас все-таки в первую очередь знают как барда по КСП...

- Как же я это слово не люблю. Ну, аббревиатура уже как КПСС, ВЦСПС.

Я не КСП. И уже умирают те, кто видел меня где-то в лесах, и я думаю, что я для них тоже постепенно умираю. Думаю, что новая история идет, которая связана с театром, с красным пальто. Ни один бард не занимается тем, чем занимаюсь я. Я - человек театра. Другое дело, что та часть, которая узнала меня как барда, она продолжает ходить на мои концерты и продолжает считать меня своим бардом. А я всегда занимался разными вещами.

- Я о другом. Ваш театр является некоей стартовой площадкой для многих авторов.

- Для многих да. Вот сейчас будет фестиваль «Прощание с Петербургским аккордом». Там будет масса новой московской молодежи, кото-

рая себя заявила...

- Откуда взялось такое название фестиваля?

- Назвали так, потому что никто из талантливых людей на фестивале «Петербургский аккорд» по конкурсу не прошел. Потому что там старперы в Питере. Вот уж воистину КСПешный Петербург в отличие от Москвы, где есть авторская песня. Ну есть там Кукин, Дольский, ну Коля Якимов, а здесь, в Москве, десятки новых людей.

Но не только это. Я выбрал для себя театр, движение песни на высокие театральные подмостки. Сейчас мы закончим перерегистрацию, и я начинаю сотрудничество с федерацией джаза, там, где я учился, в которой мои педагоги. И еще дальше продвигаюсь от авторской песни. Меня такое количество бардов в театре не устраивает. Я хочу очистить эту площадку от многих второсортных бардов, которые пока еще выступают. Хочу, чтобы здесь была прописана высокая история. Место уже достаточно раскручено, а у меня есть целый ряд проектов, которыми мы и будем заниматься.

Все идет к тому, что весь «Перекресток» станет Арт-объектом. Само пространство будет здесь насыщенным. Здесь место приложения рук и фантазии, и не только моей. Я художественный руководитель еще и этого пространства.

Ну, собираются здесь горнолыжники, набивают зал и поют свои песни: «Хорошо работает подъемник». Это горнолыжное КСП. Меня это тоже не интересует. И только потому они здесь, что нет ни времени, ни сил, чтобы серьезно заняться организацией творческого процесса. Не будет здесь горнолыжников.

Здесь будет Деревягин, Якимов. У Якимова будут экраны и все, что он захочет.

И Митяева здесь не будет. У него есть киноконцертный зал «Россия», он много где выступает. «Перекресток» будет заниматься эстетикой отточенных ножей, а не как у Митяева: «И давно уже не точены ножи». Наши ножи должны быть отточены.

Беседовал
Владимир БАШНЕВ

ЛИСТОПАД

Приходите, приходите,
Приходите же гурьбою,
Как осенний листопад.
Говорите попереки,
Говорите вразнобой,
Говорите невпадо.
Ради Бога, приходите,
Трубки дымные курите,
Отряхните пыль дорог, -
В доме злых собак не держат,
У квартиры цифры те же,
И в исправности звонок.

В нетерпенье ожиданья
Я окно раскрыл напрасно,
И уж вышло так само:

Листопад влепил под сердце
Одиальный лист кленовый -
Одиночества клеймо.
И листву, как занавеску,
Вдруг сорвало, обнажая
Неба хмурого проем,
И я понял, что не стоит
Никого винить на свете
В одиночестве своем.

Приходите, приходите,
Приходите же гурьбою,
Как осенний листопад.
Говорите попереки,
Говорите вразнобой,
Говорите невпадо.

Ради Бога, приходите,
Трубки дымные курите,
Отряхните пыль дорог, -
В доме злых собак не держат,
У квартиры цифры те же,
И в исправности звонок.

В нетерпенье ожиданья
Я окно раскрыл...

ПЕСНЯ О ЧУДАКЕ

Построю дом себе я из консервных банок,
И ярко-красное сошью себе пальто,
И проживу жизнь чудачком из старых сказок,
Который смотрит в мир с раскрытым ртом.

Я буду верить всякой чертовщине,
Гадать по снам, по птицам, по руке
И верить, что плывет куда-то небо,
Раз облака плывут вниз по реке.

А чтоб быстрее росли деревья и цветы,
Я буду по утрам играть на флейте,
А чтоб от нас не улетели журавли,
Увидев первый снег, - играть на лете.

И надо мною будут все смеяться,
Но, если, люди, не было бы вас,
Я от тоски не то что год или неделю,
Я б дня не прожил - умер через час.